

© *Абрамов А.В., 2012*

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: РАБОТА НАД ПРЕЖНИМИ ОШИБКАМИ

Аннотация. Предлагаемая статья является продолжением предыдущей работы автора и рассматривает эволюцию взглядов теоретиков модернизации конца 1960-х – начала 1990-х гг. Отмечается, что в указанный период исследователи отказались от трактовки модернизации как однолинейного и универсального процесса. Учеными конца 1960-х-начала 1970-х гг. был развенчан миф о едином для всего Запада пути к современности. Центральной темой исследований 80-х гг. XX в. стал вопрос о соотношении в культуре модернизирующейся страны западных («модернити») и национальных ценностей. Это соотношение рассматривалось как фактор, определяющий модель будущего конкретной страны. Распад СССР и крушение социалистического блока привели к новому раунду научных дискуссий о пути к современности, в которых произошла реанимация концепций конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Ключевые слова: Теория модернизации, модернизация, культура «модернити», традиционное, модернизация «в обход модернити», «столкновение цивилизаций», «конец истории».

© *A. Abramov, 2012*

THE MODERN CONCEPT OF MODERNIZATION: CORRECTING PREVIOUS MISTAKES

Abstract. The present article is the continuation of the author's previous work. It examines the evolution of the views expressed by the theorists of modernization of the late 1960's - early 1990's. It is noted that within the period mentioned the researchers abandoned the treatment of modernization as a single-line and universal process. The scientists of the late 1960's -early 1970's dispelled the myth that there was a single way to modernity for the whole West. The central research topic of the 1980's was the question of the ratio of western values ("modernity") to the national ones in the culture of the country being modernized. This ratio was considered as a factor determining the model of the future of a certain country. The collapse of the Soviet Union and the collapse of the Socialist bloc of countries led to a new round of scientific debates of the way to modernity which revived the concepts of the late 1950's - early 1960's.

Key words: theory of modernization, modernization, culture of "modernity", traditional, modernization "without modernity", "the collision of civilizations," the "end of history."

Развернувшаяся в 1960-е гг. критика однолинейной теории модернизации и появление альтернативных концепций развития сыграло положительную роль в общественной науке, заставив сторонников теории модернизации пересмотреть и переосмыслить свои прежние взгляды.

Этот пересмотр универсалистских теорий начала 1960-х гг. выразился, прежде всего, в отказе от однолинейности понимания процесса развития и в отречении от оценки

национальных культур и традиций как тормоза модернизации. Новое понимание развития весьма образно сформулировал американский социолог Олвин Тоффлер: «Мы начинаем думать о прогрессе как цветении дерева со многими ветвями, устремленными в будущее, как о многосторонности и богатстве человеческих культур, которая служит мерой этого прогресса» [Цит. по: 7, с. 17].

Отказ от линейности в трактовке модернизации

Отход исследователей от универсалистской и однолинейной модели модернизации произошел далеко не сразу. Развернувшаяся критика и реальная политическая практика, опровергавшая схему У. Ростоу, заставили ученых подвергнуть западнцентристский вариант теории модернизации ревизии. Прежде всего эта ревизия коснулась тезиса о прямолинейности процесса модернизации.

Мысль о сложности, противоречивости и нелинейности траектории общественного и политического развития одним из первых озвучил американский исследователь Люсьен (Люсиан) Пай в своей работе «Аспекты политического развития: аналитическое исследование» (1966).

По мнению Л. Пая, политическое развитие неотделимо от экономического и социального и характеризуется тремя переменными: 1) структурная дифференциация (рост числа политических структур и их специализация в выполнении определенных функций); 2) возрастание способности политической системы вести общественные дела, урегулировать конфликты, удовлетворять требования народа; 3) «тенденция к равноправию», включающая вовлечение народа в политическую деятельность, универсальный характер законов и пр.

Три составляющие политического развития не обязательно прогрессируют синхронно. Более того, между этими составляющими могут возникать противоречия: например, тенденция к равноправию может уменьшить «способности» политической системы и т. п. Таким образом, *в ходе политического развития неизбежны кризисы и проблемы, которые переходное общество должно разрешить*, чтобы стать современным. Л. Пай выделил *шесть возможных «кризисов развития»*.

1) Кризис идентичности – традиционные источники идентичности (племя, каста, этническая, религиозная или языковая группа) противоречит национальной идентичности (ощущению жителей гражданами единого государства).

2) Кризис легитимности – семейные, религиозные, местнические интересы и ценности считаются более важными, чем интересы и ценности всего общества, в связи с чем возникает сложность в доверии граждан к общенациональным политическим институтам и закону.

3) Кризис проникновения – сложность в создании правительственной системы управления, способной мобилизовать все необходимые ресурсы для достижения быстрого экономического роста, развития инфраструктуры, гражданского порядка, обороны своей территории.

4) Кризис участия – противоречие, возникающее в связи с тем, что с появлением новых потребностей и интересов люди хотят большего участия в политической жизни и требуют удовлетворить это желание.

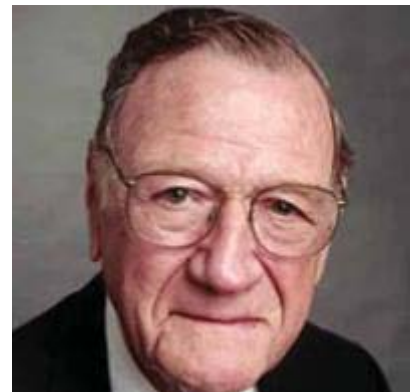

Фото: Люсьен Пай

5) Кризис интеграции – возникающие у правительства трудности в обеспечении удовлетворения интересов различных общественных групп, что в перспективе обеспечит единство всего общества.

6) Кризис распределения – сложность в обеспечении определенного уровня благосостояния граждан путем передачи более бедным группам населения части ресурсов самых богатых групп с помощью прогрессивного налогообложения, перераспределения доходов, создания системы социального обеспечения.

Последовательность кризисов в разных странах может отличаться друг от друга. Чем меньше промежуток между кризисами, тем больше напряженность и глубже конфликты. В случае, если эти кризисы усиливаются и даже накладываются друг на друга (как это зачастую происходит в бывших колониях) *процесс модернизации может отставать* [19, с. 78-81; 5, с. 70-73].

Характеризуя вклад Л. Пая в развитие теории модернизации, российский политолог М.Г. Миронюк замечает, что работы американского ученого, посвященные проблемам политического развития и нациеобразования вполне соответствовали уровню исследований того времени, «уже обнаруживших, что процесс развития не является однолинейным, но еще не отказавшихся от этноцентричного (европейско-американского) идеала с «универсальным» набором стандартов развитости» [6, с. 350].

Сомнения в универсальности модели

Еще один удар по западнцентристской модели модернизации образца начала 1960-х гг. нанесли работы Б. Мура, Р. Бендикса и С. Роккана, которых называют сторонниками *сравнительно-исторического подхода* к процессу развития. Представители этого направления, изучив процесс становления капитализма и либеральной демократии в разных странах Европы, предприняли попытку выяснить, *действительно ли западная модель модернизации является универсальной, хотя бы для самих стран западного мира.*

Центральной темой работы американского исследователя Рейнхарда Бендикса «Формирование нации и граждане» (1964) стало изучение последствий возникших в ходе модернизации социальных противоречий. По мнению исследователя, сопровождавшие модернизацию явления – превращение рабочей силы в товар, кризис церкви, патриархальной семьи и местной общины как институтов социальной интеграции – способствовали возникновению протеста у рабочих. Пролетарии стали требовать равных с буржуазией политических прав. В том случае, если политическая система постепенно удовлетворяла эти требования (как в Англии), пролетарии интегрировались в общество и демократическая система укрепилась. В случае игнорирования властью требований пролетариев рабочее движение становилось революционной силой и уничтожало демократическую систему (как в 1917 г. в России или в 1930-х годах в Германии) [5, с. 95].

В позднем исследовании «Короли или народ: власть или мандат на управление» (1978) Р. Бендикс обращается к изучению роли интеллектуальных элит и анализу отношений центральной власти и локальных автономных политических единиц. Проведя сравнительный анализ модернизации в Англии, Франции, Пруссии (Германии), Японии и России, а также используя примеры из истории Китая и исламского мира, Бендикс приходит к заключению, что стимулом для глубокой трансформации страны является ее отсталость. Осознание элитой отсталости страны порождает у нее чувство неполноценности и стимулирует внедрение зарубежных идей и моделей в национальную культуру. Вместе с тем опасность извне вынуждает элиту обращаться к самым глубоким ценностям народной традиции и укреплять национальные чувства народа.

Иными словами, *модернизация непременно сочетает в себе как вестернизацию, так и национализм.*

Изучение другой проблемы – взаимоотношений центральной элиты и локальных автономных политических единиц – позволило американскому исследователю сделать вывод о том, что *становление конституционной представительной демократии возможно лишь при равновесии властных полномочий центра и местных органов.* Там, где доминирует центральная власть, формируется тенденция к деспотическому управлению, а там, где сильны регионы – неизбежна анархия.

Так, в России, замечает Р. Бендикс, власть царя не была ограничена церковью, что позволило ему начать политику территориального перемещения аристократии в города, что, в свою очередь, способствовало превращению аристократии в «класс служащих» (военных и чиновников), целиком зависимых от деспотизма царя. Результат – самодержавие и недокапитализм. Иначе обстояло дело в Англии. Из-за островного местоположения страны между аристократией, представители которой проживали в своих собственных владениях, и монархией сложились договорные отношения и сохранился обособленный бюрократический аппарат государства, что способствовало развитию конституционализма и капитализма [5, с. 94-95].

Тезис Р. Бендикса об обусловленности путей европейской модернизации различными традициями европейских обществ разделял и Беррингтон Мур.

В книге «Социальные истоки диктатуры и демократии» (1966) ученый сосредоточил свое внимание на отношениях между социальными классами до и в процессе модернизации. Изучив опыт шести стран: трех западных (Англия, Франция и США) и трех азиатских (Китай, Индия и Япония), Б. Мур выделил *три пути к современному миру: демократический путь, революция «сверху» и крестьянская революция.*

Демократический путь к современности, по Б. Муру, предполагает буржуазную революцию, результатами которой становятся индустриализация и политическая демократия. Исследователь выделяет три предпосылки такой революции:

– борьба монархии и аристократии, приводящая к формированию понятий о неприкосновенности определенных прав и закладывающая фундамент для построения демократических институтов;

– коммерциализация сельского хозяйства, которая может иметь две формы: английскую (аристократия занимается сельским хозяйством с целью извлечения прибыли, то есть перенимает буржуазные ценности) и французскую (дворяне передают фактическое право собственности на землю крестьянам и в результате революции теряют большую часть своей власти);

– противоречие между промышленниками и крупными землевладельцами. В случае отсутствия такого антагонизма, полагает Б. Мур, возникает «брак между сталью и рожью», то есть формируется буржуазно-аристократическая коалиция, способная противостоять гражданским и политическим требованиям крестьян и рабочих.

Буржуазная революция, считал Б. Мур, может принимать разные формы: английская революция в XVII в., американская Война за независимость и Французская революция в XVIII в.

Второй путь модернизации – революция «сверху» – предполагает, что государство инициирует и поддерживает индустриализацию, защищая при этом интересы крупных землевладельцев, занятых экспортом сельскохозяйственной продукции. Влияние буржуазии в таком случае гораздо меньше, чем демократическом пути, а сопротивление модернизации со стороны аристократии – больше. В соответствии с этим силы, выступающие за установление и укрепление демократии, слабы, что создает условия для формирования авторитарных режимов.

В качестве стран, вставших на такой путь модернизации, Б. Мур называет Германию и Японию, пытавшихся провести модернизацию без изменения своей социальной структуры.

Третий путь модернизации – крестьянская революция – имеет место в тех странах, где не произошла капиталистическая революция в сельском хозяйстве, но вместе с тем не сохранились и традиционные социальные институты (они были разрушены в результате войн, борьбы за власть и неудачных попыток модернизации сверху и т. п.). В результате вокруг узких интеллектуальных кругов возникают вооруженные отряды, и происходит захват власти. Так, полагает Б. Мур, произошло в России и Китае [5, с. 96-98].

Мысль Р. Бендикса и Б. Мура о том, что пути модернизации (перехода к капитализму и демократии) были различными даже в странах Европы, нашла более конкретное выражение в исследованиях Стейна Роккана – профессора сравнительной политологии в Университете Бергена (Норвегия).

С. Роккан предпринял масштабную и амбициозную попытку составить геополитическую карту Европы, в контекст которой вписывалась и проблема модернизации. Как отмечает С. Ларсен, Роккана «интересовали длинные ряды макроисторического развития, и он использовал их для объяснения избранного на сегодня пути по таким направлениям, как формирование нации, формы государственных структур, региональные различия политической жизни, временные рамки демократизации, сохранение основных расколов-кливажей... Его знаменитая «теория Европы» (или «теория Западной Европы», как бы мы сейчас назвали эту работу) основана на сочетании методов ретроспективного и перспективного анализа (инструментализм)» [4].

Фото: Стейн Роккан

По мнению норвежского исследователя, на развитие Европейских стран в период формирования государства и нации (с XI по XVIII вв.) повлияли следующие культурные и экономические факторы:

- влияние Римской империи (главенство императора, нормы римского права, идея гражданских прав и обязанностей);
- роль католической церкви как организации, которая проникает сквозь этнические и территориальные границы и способствует общению элит;
- германские традиции законодательных собраний глав свободных семейств;
- торговля между Востоком, Средиземноморьем и побережьем Северного моря и связи между независимыми городами по всей Западной Европе;
- развитие и укрепление феодальных и поместных аграрных структур;
- использование национального или неродного (прежде всего латинского) языка.

Различное влияние данных факторов на судьбу европейских государств позволило С. Роккану выделить в своей геополитической карте Европы два измерения: 1) религиозное («сила католицизма») и экономическое («сила городов»).

Первое измерение позволяло провести ось с севера на юг через Рим как центр империи и западного христианства. По мнению норвежского исследователя, чем ближе к Риму было расположено европейское государство, тем сложнее там шел процесс формирования нации. Причиной тому Роккан считал сопротивление католической церкви формированию культурной и национальной идентичности европейцев и сопротивление элит становлению национальных языков (замещающих латинский) и национальной системы права (замещающего римское право).

Второе измерение также позволяло провести ось, но уже с востока на запад, определяя удаленность городов от пересекавшего Европу средневекового торгового пути. Как полагал С. Роккан, чем дальше от этого торгового пути располагалась страна, тем больше там было влияние центра, и тем скорее там шел процесс формирования государства и нации. Разбогатевшие на торговле вольные города, напротив, были решительными противниками централизации, проводимой европейскими монархами.

Накладывая друг на друга две оси, С. Роккан обнаружил «великий парадокс развития Европы»: наиболее успешными в формировании нации и государства (и, соответственно, наиболее «передовыми» в модернизации) оказались страны, расположенные на периферии старой империи (Голландия и Англия), в то время как центральные районы (Италии и Германии) вплоть до XIX в. оставались раздробленными [4; 5, с. 99-103].

Созданная С. Рокканом на солидном эмпирическом материале «геополитическая карта Европы» решительно опровергала универсалистские модели модернизации конца 50-х-начала 60-х гг. XX в. Как убедительно доказал норвежец, история демонстрирует, что не было не только единого западного, но даже единого европейского пути к капитализму и либеральной демократии.

«Даже такие строгие критики обобщенных моделей модернизации, – пишет современный исследователь А. Мортинелли, – признают, что мы обязаны Роккану за многообещающие интересные гипотезы для сравнительных исследований политического развития. Благодаря своему творческому подходу он по праву считается одним из наиболее влиятельных современных социальных исследователей» [5, с. 103].

Модернизация как синтез «модернити» и традиции

Отказ от западнцентристского представления о модернизации оказался еще более очевиден в исследованиях 1970–1990-х гг. В это время складывается концепция «модернизации в обход модернити» – *модернизации при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей*. Наиболее известными представителями этой теории стали Ш. Эйзенштадт, А. Абдель-Малек, А. Турен и др.

Среди авторов 1970-х гг. необходимо, прежде всего, отметить израильского политолога и социолога Шмуэля Эйзенштадта.

Исследователь подверг критике противопоставление традиционного общества современному, а также назвал предложенные Т. Парсонсом переменные (партикуляризм-универсализм, предписанное–достижимое, диффузность–специфичность и др.) «идеальными крайностями». Для анализа процесса перемен в обществе Ш. Эйзенштадт «ввел широкий набор переменных факторов и состояний, что снимало классификацию «стадий» универсального процесса перехода общественных изменений, а выявляло иные типы и варианты социального устройства и динамики» [3, с. 6].

По замечанию самого Ш. Эйзенштадта, критика универсалистской и однолинейной модели модернизации «привела к утверждению нескольких важных аспектов вариативности институциональных сторон модернизации. Во-первых, признание возможности того, что модернизация может иметь частичный характер, т. е. формирование новых институтов или современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации...

Фото: Шмуэль Эйзенштадт

Во-вторых, все в большей степени признавалась системная жизнеспособность переходных обществ через создание своих особых механизмов стабильности и самосохранения.

В-третьих, получило признание то положение, что, по крайней мере, частично логика и тип развития обусловлены некоторыми аспектами традиционного устройства общества и должны трактоваться в связи с этими аспектами... Это положение приобрело особое значение для переоценки места традиций в общественной жизни» [20, с. 473].

Значительную роль национальных традиций в деле успеха модернизации Ш. Эйзенштадт иллюстрировал на примере утверждении демократии в мире. «Безусловно, национальные особенности страны должны приниматься во внимание, они однозначно будут оказывать влияние на успех или неудачи демократических процессов, – заявлял ученый, отвечая на вопросы корреспондента «Русского журнала». – Хотелось бы привести пример Индии, где существуют давние демократические традиции, вплетенные, однако, в сложную систему кастового деления общества. Если обратить внимание на Европу или на США, то и там национальные особенности оказали фундаментальное воздействие на то, какие именно социально-политические очертания приняла демократия. Традиции и демократия вполне могут существовать рядом друг с другом, решительный отказ от собственной традиции в угоду заимствованной общественной модели может привести к результатам, обратным желаемому» [10].

В целом модернизацию Ш. Эйзенштадт считал сложным, многоплановым процессом. «Здесь нам следует подчеркнуть несколько основных, тесно связанных обстоятельств, – писал он. – В общем и целом модернизация имела эндогенный (т. е. вызванный внутренними причинами – А.А.) характер в Западной Европе, в то время как ее распространение в Центральной и Восточной Европе, а затем в Азии, Африке, а в некоторой степени и в Латинской Америке было скорее результатом воздействия внешних сил на традиционные общества и цивилизации» [20, с. 474].

Израильский исследователь был далек от схем, рисовавших процесс модернизации современных обществ в виде последовательного и устойчивого движения вперед. По мнению С. Эйзенштадта, модернизация в разных регионах мира не только была вызвана различными причинами и шла разными путями, но и в ходе ее осуществления возникали серьезные проблемы, противоречия и конфликты, прежде всего, между западными ценностями («модернити») и национальными традициями [21; 22].

Проблема традиционных ценностей и модернизации оказалась центральной и для египетского исследователя Анвара Абдель-Малека. Считая современный мир сложным и многообразным, Абдель-Малека и его коллеги из Университета ООН в Токио разработали «новую стратегию развития» (1984), *увязывающую успех модернизации с развитием национальной культуры трансформирующейся страны.*

«Содействие национальной культуре, чтобы сохранить идентичность народов и подтвердить аутентичность их развития... составляет неотъемлемую часть мотивов развития и становится основой конкретного выбора, позволяющего мобилизовать их энергию. Успех развития предполагает, прежде всего, усиление человеческого потенциала путем образования в соответствии с требованиями модернизации» – отмечали авторы «новой стратегии развития».

По мнению А. Абдель-Малека и его коллег, каждый народ должен выбирать тот путь развития, который в наибольшей мере отвечает его социокультурным традициям и чаяниям: «Продвигать культуру означает продвигать не «традиционную» культуру, а культуру, приспособленную к XX веку, которая черпает свою идентичность в традиции, открываясь всем течениям в мире. Дилемма «традиция или современность» – это ложная дилемма» [7, с. 18].

Ведущую роль социокультурного фактора в успехе модернизации подчеркивал и Бертран Шнейдер. В докладе Римскому клубу «Босоногая революция» (1988) он констатировал провал всех прежних планов и концепций развития государств третьего мира по образцам развитых стран, поскольку осуществление этих планов принесло эффект лишь небольшой части городского населения модернизируемых стран, большинство же сельского населения по-прежнему живет в нищете и отсталости.

Весьма актуальными для современной России являются мысли Б. Шнейдера о негативной роли «эффекта демонстрации» (жизни господствующих классов в соответствии с западными стандартам потребления), который *разрушает местную культуру*. Последнее же, по мнению ученого, *неизбежно ведет к разрушению экономики, нищете и упадку* [7, с. 19].

Тезис о том, что модернизация не может искоренить культурные и бытовые традиции, но, напротив, традиция во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, оказался ключевым и для французского исследователя Алена Турена.

Исследователь весьма критично оценивает концепцию стадий развития 1950-х–1960-х гг., считая ее «идеологическим выражением гегемонии Севера над Югом» [8, с. 52]. По мнению А. Турена, *традиции и национально-культурная идентичность* не только не выступают как препятствия преобразований, но напротив, *являются залогом успеха общественно-экономической трансформации*.

«Бисмарковская Германия, Япония эры Мейдзи или Франция послевоенного периода, – пишет А. Турен, – управлялись традиционалистскими и одновременно модернизаторскими элитами, а не группами, которые ориентированы на рынок и которые можно считать самыми современными. Эти элиты гораздо более вдохновлялись волей к обеспечению национальной независимости, к созданию настоящего государства или к уничтожению переносимого унижения, а не идеалом рационализации. Именно таким образом Япония создала высокоразвитую промышленность, используя и распространяя такие способы экономической и общественной организации, которые пророками современности считаются традиционалистскими и даже архаическими. Это вовсе не доказывает, что такая-то модель развития выше, чем другая, но заставляет провести четкое различие между двумя родами проблем, относящимися, с одной стороны, к функционированию данного типа общественной организации, с другой, к исторической трансформации страны, или, если говорить конкретнее, различие проблем индустриального общества и проблем индустриализации» [8, с. 50-51].

Особое место в работах А. Турена занимает анализ социалистической модернизации или «контрмодернизации»¹. Но, рассматривая эволюцию коммунистического режима, французский исследователь делает вывод о победе в социалистических странах ути-

Фото: Алан Турен

¹ Контрмодернизация – предложенное А. Туреном понятие, обозначающее альтернативный западному вариант модернизации (типа сталинской индустриализации в СССР или преобразований в маоистском Китае).

литарных национальных традиций над первоначальными модернизаторскими идеалами. «... Вначале режимы отождествляли себя с политикой модернизации, то есть с социализмом и секуляризацией. Однако затем, по мере того, как цель становилась все более труднодостижимой, просвещенный деспотизм трансформировался в национализм... Мобилизация масс и манипулирование ими повсеместно стали более важной целью, чем создание нового современного мира – главной задачи, которую ставил Ленин. Со временем революционные режимы трансформировались в систему номенклатуры и политических репрессий». Последнее, по мнению А. Турена, и предопределило крах советской системы [9, с. 81-82].

Проблема контрмодернизации (рассмотрения социализма как альтернативы западной модернизации для стран «запоздалого развития») стало основной фабулой исследования западногерманского ученого Дитера Сенгааса «Европейский опыт» (1985). Основываясь на примерах Китая, Кубы, Северной Кореи (и подразумевая СССР), автор делал вывод о том, что, в отличие от многих обществ третьего мира, *социалистические страны сумели преодолеть отсталость и «периферийный» характер экономики, создать самостоятельный национальный хозяйственный комплекс, автономный внутренний рынок и получили возможность интеграции в мировое хозяйство* [1, с. 308].

Своеобразный итог под размышлениями исследователей 1970–1980-х гг. о соотношении в модернизации традиций и ценностей «модернити» подвел профессор Кэмбриджа Йоран (Гёран) Терборн. В своих работах ученый выделил *четыре модели распространения «модернити»*:

- 1) ценности «модернити» являлись собственной культурой и утвердились в результате преодоления конфликтов с силами «антимодернити» (страны Западной Европы);
- 2) ценности «модернити» распространились через трансконтинентальную миграцию и геноцид местного населения, чьи традиции и порядки были абсолютно чужды «модернити» (Северная и Южная Америка, Австралия);
- 3) «модернити» распространились в результате вторжения (угрозы вторжения) в страну государств, принадлежащих западной цивилизации (Ближний Восток, Турция, Египет, Сиам/Таиланд, Китай, Япония);
- 4) ценности «модернити» распространялись в результате колонизации традиционных обществ европейцами, что означало, с одной стороны, принудительную ломку традиций и общественных структур без создания на их месте чего-либо нового, с другой – консервацию отсталости. В конечном счете «модернити» оставалась в этих обществах чужой культурой, затронувшей лишь часть местной элиты (Индия, Пакистан, Вьетнам) [7, с. 25].

Фото: Йоран Терборн

Работы 1970–1980-х гг. при всех их отличиях друг от друга объединяло одно: никто из исследователей не разделял господствовавшей в 1960-х гг. одномерной универсалистской теории. Ученые рассматривали различные модели модернизации и внимательно изучали роль национальной культуры. Способность последней «переварить» «модернити», синтезировать западные ценности и национальные традиции стала рассматриваться как главный фактор успеха модернизации.

Научные дискуссии конца XX в.: вновь к началу?

Сравнительно-исторические концепции и теории модернизации в обход «модерности» казалось, поставили точку в спорах универсалистов со сторонниками многолинейности трансформаций. Однако в конце XX в. полемика о путях модернизации неожиданно разгорелась с новой силой.

Поводом к дискуссии стала статья американского философа и политолога Френсиса Фукуямы «Конец истории» (1989), превратившаяся вскоре в книгу «Конец истории и последний человек» (1992).

Концом истории Ф. Фукуяма считал распад социалистического лагеря, что, по его мнению, символизировало крах коммунистической идеи и торжество западной либеральной модели.

«То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и *универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления* <...> – писал Ф. Фукуяма. – И хотя где-нибудь в Манагуа, Пхеньяне или Кембридже (штат Массачусетс) еще останутся отдельные правоверные марксисты, тот факт, что ни у одного крупного государства эта идеология не останется на вооружении, окончательно подорвет ее претензии на авангардную роль в истории... Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя» [12].

Согласно логике Ф. Фукуямы, крушение социалистического лагеря означало не только крах коммунистической идеологии, оно означало провал попытки построения индустриального общества незападного типа. Исчезновение «второго» (социалистического) мира должно было продемонстрировать развивающимся странам («третьему» миру), что единственным вариантом развития человечества является капиталистический путь («первый» мир).

«Все страны, подвергшиеся экономической модернизации, *должны весьма походить друг на друга*, – развивает Ф. Фукуяма главный тезис своей статьи в книге. – В них должно существовать национальное единение на базе централизованного государства, они урбанизируются, заменяют традиционные формы организации общества... экономически рациональными формами, основанными на функции и эффективности, и обеспечивают своим гражданам универсальное образование. Растет взаимосвязь таких обществ через глобальные рынки и распространение универсальной потребительской культуры. Более того, логика современной науки, по-видимому, диктует *универсальную эволюцию в сторону капитализма*. Опыт Советского Союза, Китая и других социалистических стран указывает, что хотя весьма централизованная экономика была достаточна для достижения уровня индустриализации, существовавшего в Европе пятидесятых годов, она разительно неадекватна для создания того, что называется сложной «постиндустриальной» экономикой, в которой куда большую роль играют информация и технические новшества» [13].

Фото: Френсис Фукуяма

Нетрудно заметить, что перед нами *возрожденная однолинейная концепция модернизации*, рассматривающая *западный путь как единственно возможный вариант развития для стран третьего мира*.

Как и в ранних теориях модернизации ценности рыночной экономики и либеральной демократии («модернити») вновь объявляются универсальными, что же касается *национализма и традиционной культуры* меняющихся обществ, им Ф. Фукуяма отводит совершенно *незначительную роль*: «... Национальная самоидентификация должна быть вытеснена в область личной жизни и культуры из области политики и принятия решений, – пишет исследователь в одной из своих работ. – В качестве альтернативы чувство национальной гордости может сублимироваться в экономическом соревновании, как это происходит с японцами, производящими суперкомпьютеры» [14].

В 2012 г. Ф. Фукуяма выпустил статью «Будущее истории», в которой отчасти скорректировал свою прежнюю позицию, оставшись, впрочем, на западнцентристских позициях¹.

Оппонентом Ф. Фукуямы стал американский политолог Самюэль Хантингтон², сформулировавший свою позицию в статье (1993), а затем и в книге (1996) «Столкновение цивилизаций».

Солидаризуясь с Ф. Фукуямой в том, что конфликт по линии капитализм-коммунизм ушел в прошлое, С. Хантингтон тем не менее не согласился с тезисом о единстве и непротиворечивости современного мира,двигающегося к либерализму западного типа.

«...У современных обществ есть много общего. Но обязательно ли они должны слиться и стать однородными? Аргумент в пользу этого основывается на том предположении, что современное общество должно соответствовать единому типу – западному, что современная цивилизация – это западная цивилизация и что западная цивилизация есть современная цивилизация. Тем не менее это совершенно ошибочная идентификация» [16, с. 94].

Фото: Самюэль Хантингтон

¹ В своей статье Ф. Фукуяма выражал озабоченность тем, что современный экономический кризис может привести к упадку среднего класса и либеральной демократии. «...Некоторые тревожные экономические и социальные тенденции, если они сохранятся, могут поставить под угрозу стабильность современных либеральных демократий и развенчать демократическую идеологию в ее нынешнем понимании... Марксисты не осуществили свою коммунистическую утопию, потому что зрелый капитализм создал общество, основой которого был средний, а не рабочий класс. Но что если дальнейшее развитие технологий и глобализации подорвет средний класс и сделает невозможным достижение статуса среднего класса для большинства граждан развитой страны?» Вместе с тем исследователь по-прежнему не видит альтернатив западной либеральной демократии. Иные модели развития - теократическую (Иран и Саудовская Аравия) и китайскую - Ф. Фукуяма отвергает, называя их «тупиковым путем» и специфическим восточноазиатским феноменом соответственно. По мнению исследователя, современный мир нуждается в новой идеологии, которая будет сочетать идеи либеральной демократии и скорректированного капитализма, нацеленного на процветание среднего класса [11].

² С. Хантингтон стал широко известен как исследователь политической модернизации. В своем исследовании «Третья волна» он утверждал, что становление демократий в мире (политическая модернизация) осуществляется волнообразно: за «приливной волной» (их ученый выделял три) и увеличением числа демократических систем следует «отлив» [17]. В другом исследовании - «Политический порядок в меняющемся обществе», С. Хантингтон излагает теорию о том, что успех политической модернизации (утверждение демократии) зависит от того, соответствует ли характер институционализации общества уровню участия граждан в политике. Отсутствие политических институтов, обеспечивающих каналы политического участия граждан, является основной причиной политических кризисов и нестабильности в переходных обществах [15].

По мнению С. Хантингтона, в современном мире существует восемь цивилизаций, отличающихся друг от друга в культурном, лингвистическом, религиозном и др. планах, и потому находящихся друг с другом в непростых (а порой, конфликтных) отношениях.

Сосредоточив внимание на западной цивилизации, С. Хантингтон выделяет ее особенности: античное наследие, христианскую религию, восходящий к латыни язык, разделение духовной и светской власти, господство закона, социальный плюрализм (гражданское общество), наличие представительных органов и индивидуализм. «По отдельности, – замечает исследователь, – ни один из этих факторов не был уникален для Запада. Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности... Они – то, что сделало Запад Западом, причем уже давно. И они же во многом стали факторами, которые позволили Западу играть ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира» [16, с. 99-100].

Рассматривая экспансию Запада в третий мир, С. Хантингтон выделяет несколько типов реакции элит и обществ развивающихся стран на это вторжение (см. табл.).

Таблица

Типы реакции незападного общества на влияние Запада

Принятие		Тип реакции незападного общества
модернизации (индустриализации)	вестернизации (ценностей «модернити»)	
0	0	«отторжение»
1	1	«кемализм»
1	0	«реформизм»
0	1	«тупиковый вариант»

Согласно правилам «булевой алгебры» 0 означает отсутствие, отрицание; 1 – наличие, истинность

Составлено автором статьи по: 16, с.100–105

Сутью «отторжения» (*отказничества*) является желание элиты изолировать общество от влияния современного мира.

Примерами «отторжения» могут служить Япония с середины XVI в. до середины XIX в. (ее контакты с Западом ограничивались лишь покупкой огнестрельного оружия, а в середине XVII в. из страны были полностью изгнаны иностранцы) и Китай с XVIII по XIX вв. Здесь, впрочем, политика отторжения была обусловлена тем, что Китай воспринимал себя как Срединное царство, культурно превосходящее все другие народы.

В XX в. в силу усовершенствования в транспорте и коммуникациях, а также глобальной взаимозависимости, изоляция («отторжение») стали по сути невозможны. «Практически бесследное исчезновение – такова общая судьба всех поборников чисто отторженческой политики к концу двадцатого века, – пишет С. Хантингтон. – Фанатизм, пользуясь терминологией Тойнби, это нежизнеспособный выбор» [16, с. 100-101].

С. Хантингтон, впрочем, здесь не вполне прав. «Отторжение» встречается и сегодня. С 1996 по 2001 гг. в Афганистане был установлен исламистский режим Талибан. Его характерными чертами стали: строгое исполнение норм шариата; запрет на телевидение, Интернет, изобразительное искусство, музыкальные инструменты; обязанность мужчин носить бороду определенной длины; запрет женщинам учиться, работать, лечиться у врачей-мужчин, появляться в общественных местах с открытым лицом и без мужа или родственника мужского пола. Несмотря на свержение Западом режима Талибан, талибы по-прежнему весьма влиятельны в Афганистане и Пакистане.

Сутью *стратегии «кемализма»* является встреча «с распростертыми объятиями» как модернизации, так и вестернизации. Проводя крайне желательные для страны экономические преобразования, элиты вынуждены также заменять несовместимую с модернизацией традиционную культуру культурой, импортированной с Запада («модернити»).

Такой тип реакции на влияние Запада получил название от имени Мустафы Кемалья Ататюрка. Создавая в начале XX в. Турцию на руинах Османской империи, Кемаль предпринял энергичные усилия как по модернизации, так и по вестернизации страны. В результате Турция стала, по выражению С. Хантингтона, «оторванной страной» – обществом, которое было мусульманским по своей религии, наследию, обычаям и институтам, но которым правила элита, намеренная сделать его современным, западным и объединить его с Западом [16, с. 101-103]. Доказательством того, что современная турецкая элита воспринимает свою страну как часть западного мира является тот факт, что Турция с 1952 г. является членом НАТО и на протяжении нескольких последних лет выражает настойчивое желание вступить в Евросоюз. В последние годы, впрочем, и в Турции усилилась роль исламистов.

Третья стратегия – *реформизм* – является попыткой скомбинировать модернизацию с сохранением центральных ценностей, практик и институтов родной культуры общества.

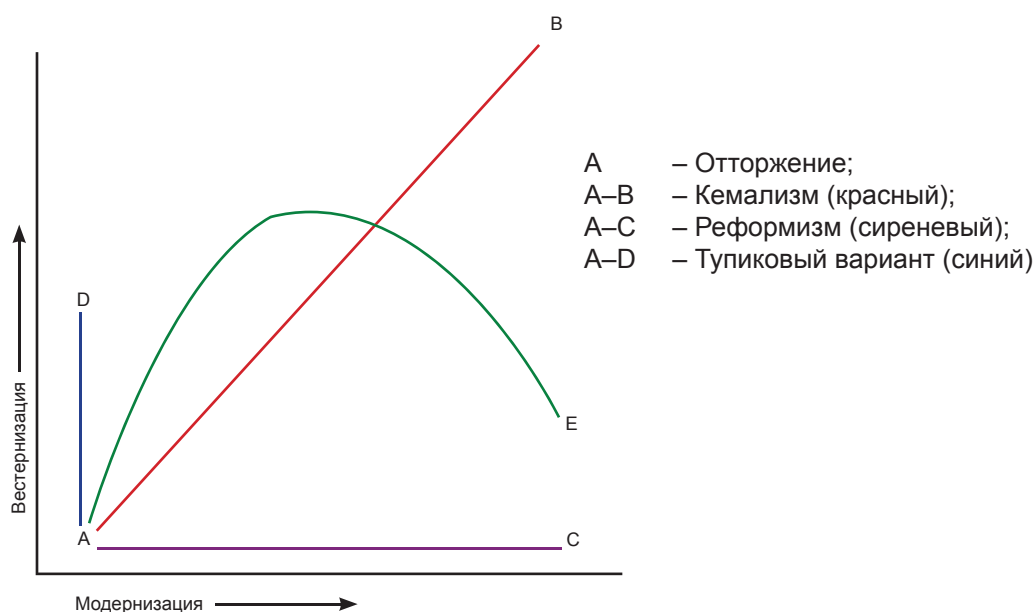
Этот тип реакции оказался самым популярным среди элит развивающихся стран. О сути этого принципа красноречивее всего говорят популярные в период реформизма лозунги: «Китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость для практического использования» (последние годы правления династии Цинь в Китае); ««японский дух» и западная техника» (Япония) и т. п.

Наконец, последний, «*тупиковый» вариант реакции на влияние Запада*, характерный для некоторых стран Африки, заключался в отказе от модернизации при принятии правящей элитой вестернизации.

Все четыре варианта реакции третьего мира на влияние Запада С. Хантингтон представил в виде графика (см. схему).

Схема

Варианты «ответов» развивающихся стран на влияние Запада

Источник: 16, с.105

«В тех пределах, в которых любая обобщенная модель модернизации и вестернизации существует в качестве ответной реакции не-западных обществ на влияние Запада, – комментирует свой график С. Хантингтон, – она будет находиться в рамках кривой А–Е. Изначально модернизация и вестернизация тесно связаны, и не-западные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации. Однако с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур. Дальнейшая модернизация, таким образом, изменяет цивилизационный баланс власти между Западом и не-западным обществом и усиливает приверженность местной культуре. Таким образом, во время ранних этапов изменений вестернизация поддерживает модернизацию. На более поздних этапах модернизация стимулирует возрождение местной культуры» [16, с. 105-106].

«... Модернизация не обязательно означает вестернизацию, – заключает С. Хантингтон. – Не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт. При этом какие бы преграды на пути модернизации ни ставили не-западные общества, они бледнеют на фоне тех преград, которые воздвигаются перед вестернизацией. Как выразился Бродель, было бы «по-детски наивно» думать, что модернизация или «триумф цивилизации» может привести к окончанию множественности исторических культур, воплотившихся за столетия в величайшие мировые цивилизации. Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным» [16, с. 110].

Таким образом, в современном мире, по мнению С. Хантингтона, на первый план выходят вопросы культурной идентичности, недооцененные Ф. Фукуямой. Именно эти вопросы порождают острые противоречия между цивилизациями и, согласно мрачному пророчеству С. Хантингтона, чреватые в будущем столкновением цивилизаций. Объективность американского политолога, впрочем, не следует переоценивать, ибо, как заметил российский исследователь Б.С. Ерасов, «в ряде откликов констатируется, что выступление С. Хантингтона отражает растущую тревогу в ключевых столицах западного мира в отношении будущего Запада в XXI в. Правящей элите видится угроза со стороны набирающего силу Китая, в росте фундаментализма в исламском и индийском мирах. Иными словами, на Западе «развивается менталитет осажденной крепости». Но эти опасения – продукт односторонней, заносчивой политики самого Запада, слишком много полагавшегося на свою силу и навязывавшего свои правила остальному миру. Поэтому столкновения в большей степени нарастают по линии противостояния Запада и остального мира» [2, с. 519].

Тем не менее, оценивая концепции Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, следует отметить, что ближе всего к реальной действительности, пожалуй, позиция последнего. С крушением социалистической системы мир стал не гармоничным и однополярным (как полагал Ф. Фукуяма), но оказался противоречивым, сложным и многополярным (как и предсказывал С. Хантингтон). Как образно заметил Эндрю Хейвуд, подводя итоги состоявшейся в США дискуссии: «Идея «конца истории», по сути, оказалась бабочкой-однодневкой, выпорхнувшей на свет лишь по случаю краха коммунизма и волны демократизации 1989-х – начала 1990-х годов. Сегодня понятно, что настроения триумфа, тогда охватившие Запад, на самом деле были не более чем самолюбованием и «похмельным расслаблением» после «холодной войны». До сих пор, однако, не перестают говорить о превосходстве «мира либеральных демократий», не вполне может быть понимая, что в действительности за этой моделью стоит, собственно говоря, лишь американский опыт и, возможно, отнюдь не стоит настаивать на универсальной применимости таких ценностей, как индивидуализм, права человека и право выбора» [18, с. 36].

Выводы

Концепции модернизации являлись, по сути, теоретическим осмыслением того пути к современности, который проделали все страны мира. В ходе состоявшихся дискуссий выяснилось, что, несмотря на преимущества Запада, его путь к современности оказался уникальным и неповторимым. Провозглашение западного пути единственным и универсальным весьма упрощает действительность. К современности существует множество «дорог», и слепое копирование одной из них (перенесение западного опыта на иную почву) нигде не приводило к положительному результату. Сравнительный анализ различных моделей модернизации убеждает только в одном: успешными оказываются лишь те преобразования, которые опираются на традиции и национальную культуру трансформирующихся стран.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / В.Г. Хорос, Г.И. Мирский, К.Л. Майданик и др. – М.: Мысль, 1996.
2. *Ерасов Б.С.* Полемика по поводу концепции С. Хантингтона // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 2001.
3. *Ерасов Б.С.* Ш. Эйзенштадт и его концепция общества и истории // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
4. *Ларсен С.* Моделирование Европы в логике Роккана [Электронный ресурс] // Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа [Сайт]. – URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a256.htm> (дата обращения 1.08.2012)
5. *Мартинелли А.* Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности: Пер. с англ. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
6. Мир политической науки: В 2 кн. – Кн.2. Персоналии. Путеводитель по научным биографиям и концепциям ста видных представителей политической мысли / М.Г. Миронюк; Под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. – М., 2005.
7. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994.
8. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.
9. *Турен А.* Процесс демократизации в восточно-европейских странах // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – № 11. – С. 79-86.
10. У каждой цивилизации есть предпосылки для демократии / Интервью с Эйзенштадтом // Русский журнал [Сайт]. - URL: <http://www.russ.ru/pole/U-kazhdoj-civilizacii-est-predposylki-dlya-demokratii> (дата обращения 20.07.2012).
11. *Фукуяма Ф.* Будущее истории [Электронный ресурс] // Развитие и экономика [Сайт]. - URL: <http://devec.ru/obschestvo/filosofija/453-frensis-fukujama-budushee-istorii.html> (дата обращения 12.06.2012).
12. *Фукуяма Ф.* Конец истории? [электронный ресурс] // Политнаука [Сайт]. – URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (дата обращения 1.07.2012)
13. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – гуманитарные науки [Сайт]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fuku/intro.php (дата обращения 1.07.2012)
14. *Фукуяма Ф.* Опасный попутчик. Комментарии к работе Г. Нодия «Национализм и демократия» [электронный ресурс] // Политнаука [Сайт]. – URL: <http://www.politnauka>.

- org/library/dem/fukuyama-nodia.php (Дата обращения: 25.05.2012).
15. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004
 16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2007.
 17. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М. РОССПЭН, 2003.
 18. Хейвуд Э. Политология / Пер. с англ. – М.: Юнити-Дана, 2005.
 19. Шварценберг Р. Политическая социология: В 3 ч. – Ч. 2. / Пер. с фр. – М., 1992.
 20. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 2001.
 21. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
 22. Эйзенштадт Ш. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. – 2002. – № 2, 3.